

Воспитание: социально- педагогический аспект

Р.Х. Исхаков,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и психологии ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург
rinad.isxakov@mail.ru

В статье рассматриваются воспитание как феномен жизни. Феноменальность данного понятия определяется через понимание сознания человека, а именно сознание воспитанника. На основе этого актуализируется феноменальность системы воспитания А.С. Макаренко.

• воспитание • феномен • сознание • личность

Воспитание категория вечная, бесконечная и неуловимая. Вечная: воспитанием занимались до нас, озабочены сейчас и вряд ли будет до конца оно понятно и после нас. Бесконечная: огромное количество форм, методов принципов и приемов сформулировано по поводу правильного воспитания — то, как надо воспитывать, и то, как не надо воспитывать. Неуловимая: воспитание должно сформировать, развить такие качества в человеке как любовь, дружбу, уважение, сострадание, трудолюбие и другие нравственно-этические абсолюты. А это все категории трудно уловимые. Прежде чем это все формировать необходимо ответить на такие вопросы, как «что такое любовь?», «что такое дружба?» «в чем смысл жизни?» и т.п. И чтобы удостовериться, что мы это все воспитали, необходимо все это измерить у каждого: «сколько в ребенке любви», «сколько чувства дружбы», «насколько он сострадателен», «понимает ли смысл своего существования». Каким образом все это измерить: любовь, дружбу, сострадание? Получается, что воспитание является недостижимым в той степени, как достижимы знания, умения, приобретаемые в процессе обучения. Как просто проверить наличие определенных знаний у детей! Существуют четко определяемые понятия: «степень обучаемости», «степень обученности». Можно по аналогии применить такие понятия и к процессу воспитания: «степень

воспитуемости», «степень воспитанности». И встает проблема: как эти степени выявить, измерить, проверить.

В 1926 по 1928 гг. А.С. Макаренко возглавлял трудовую колонию имени М. Горького (под Полтавой). Свой педагогический он опыт описал в научно-художественном жанре «Марша 30 года» (1932), в «Педагогической поэме» (1935). С 1927 по 1935 гг. руководил коммуной имени Ф.Э. Дзержинского (пригород Харькова). Этот период своей деятельности он очень выразительно описал в произведении «Флаги на башнях» (1938).

В условиях жесткой цензуры тридцатых годов А.С. Макаренко смог изложить все основные положения своего педагогического и социального учения, маскируя его биллетристической формой изложения. Книги увидели свет с минимальными правками благодаря личному участию А.М. Горького, который, без сомнения, понял, с кем и с чем он имеет дело, а потому всерьез говорил о художественной ценности книг А.С. Макаренко. Можно предполагать, что великий писатель не мог не видеть литературной беспомощности автора педагогических книг. Однако же он протезировал их издание.

За 16 лет своей деятельности в качестве руководителя колонии имени М. Горького и коммуны имени Ф.Э. Дзержинского А.С. Макаренко перевоспитал более 3000 молодых граждан Советской страны. Возрастная категория воспитанников от 17 лет до 25 лет.

Это никем и никогда не было и вряд ли будет повторено, так как личность нельзя тиражировать.

Хотя в тот период борьбы с беспризорностью было 250 детских домов, 420 трудовых коммун и 880 детских городков, но широко известны общественности был опыт только Матвея Самойловича Погребинского (Трудовая колония №1

в Болшево, Московская область (фильм «Путёвка в жизнь» его последователей Сергея Петровича Богословского, Алексея Николаевича Погодина). Именно с подачи М.С. Погребинского Антон Семёнович принимает под своё руководство Коммуну имени Ф.Э. Дзержинского после коммуны в Куряже, которая была не от Наркомпроса, а от НКВД.

Система перевоспитания А.С. Макаренко «сработала». Что же было системо- и структурообразующим в его феноменальной системе воспитания?

Система воспитания (а не только так называемого перевоспитания малолетних преступников), созданная А.С. Макаренко, на самом деле выходит за рамки советской коммунистической педагогики, а также собственно за пределы педагогического опыта. По сути, в своих коммунах Макаренко начал создавать альтернативную общественную структуру, которую он прикрывал словесной мишурой коммунистического воспитания. (Он никогда не состоял в коммунистической партии). На деле это была не социалистическая, в тогдашнем уравнительном смысле общественная система, а, наоборот, коммерциализированная система. Коммунары производили электрооборудование и фототехнику по австрийской и немецкой технологиям, получая своим трудом немалый доход, которым делились с государством. Выплаты государству с детского труда Макаренко, видимо, рассматривал как своеобразные «откупные», необходимые для того, чтобы ему не мешали выстраивать собственную систему. Ничего коммунистического по сути в предпринимательской деятельности его предприятия не было. Скорее, это была модель акционерного общества с участием (хотя и не оформленном юридически) на паевых началах всех работающих. Подобная модель организации производства в западных странах стала широко практиковаться

только после второй мировой войны и дала положительный эффект в плане личной мотивации сотрудников, которые были не только работающими по найму за зарплату, но и совладельцами. Японцы, китайцы вообще боготворят А.С. Макаренко. Идею корпоративной культуры они позаимствовали у А.С. Макаренко.

Он очень осторожно сам относился к своей системе перевоспитания.

«Воспитанник нашего учреждения есть прежде всего член трудового коллектива, а потом уже воспитанник, таким он должен представляться самому себе... В его глазах и воспитатель должен выступать тоже прежде всего как член того же коллектива, а потом уже как воспитатель, как специалист-педагог, и потому соприкосновения воспитателя и воспитанника должны происходить не столько в специальной плоскости, сколько в плоскости трудового производственного коллектива, на фоне... борьбы за лучшее учреждение, за его богатство, процветание, за добрую славу, за культурный быт, за счастливую жизнь коллектива, за радость и разум этой жизни» [2, т. 1, с. 323].

Вот идея «за радость и разум этой жизни» относится к нравственно-этическим абсолютам.

В какой степени были сформированы нравственно-личностные абсолюты в колонистах, без пяти минут осужденных, а некоторых и приговоренных к смертной казни (С.А. Калабалин). Нет сомнений, что бывшие колонисты (около 3000) стали социально зрелыми и каждый нашёл своё достойное место в жизни Советского государства. И всё же было бы интересно иметь социологическую статистику, чтобы окончательно развеять наши субъективные сомнения.

Вот бывшие воспитанники-колонисты, которые в полной мере оправдыва-

ют систему перевоспитания колонистов: Андриенко Григорий Ефимович, Алексей Никифорович Землянский, Семён Афанасьевич Калабалин, Галина Константиновна Калабалина, Николай Павлович Лапотецкий, Иван Алексеевич Лебедь, Олимпиада Витальевна Макаренко, Елена Семёновна Пихоцкая, Михаил Владимирович Сухорученко, Фёдор Таранец, Иван Демьянович Токарев, Алексей Григорьевич Явлинский. Можно сказать, правда, это не очень корректно, но они являются доказательной базой успешности перевоспитания.

У меня убеждение, скорее всего, дискуссионное: А.С. Макаренко не занимался воспитание или, тем более, перевоспитанием. На эту мысль меня наводит мое образное представление о сознании ребёнка, его формировании и влиянии определённых факторов на этот процесс.

Сознание ребёнка — это чистый лист бумаги, как образно выразился Джон Локк в своей книге «О человеческом разумении» — «*Tabula rasa*» («чистая доска») [1, с. 25]. Сознание структурируется на важных факторах: есть мама, папа, бабушка, дедушка, родной дом, материальный достаток, здоровые социо-эмоциональные отношения, культурно-образовательная среда. На «чистом листе» сознания формируются эти линии: родственные и социальной среды. И сознание имеет четкие прямые социально-личностные линии. «Лист» не помят. А если этого нет — нет родителей, родного дома — то формируются другое сознание, «мятое».

У Макаренко новое сознание воспитанников-колонистов структурировалось поверх «помятого» жизнью сознания на осознание и принятие бывшими правонарушителями единого коллектива, совместного труда, системы параллельного взаимодействия и действия, системы перспективных линий и, ко-

нечно, влияние личностей. И с другой стороны это система режимных строгих моментов. Макаренко резко боролся с педологией, справедливо возражая: «безнаказанность воспитывает хулигана», и считал, что разумно выбранные, умело и редко применяемые наказания, кроме, конечно, телесных, вполне допустимы.

А. С. Макаренко предложил своим подопечным новую модель поведения, при которой все были «сыты одеты, обуты и имели крышу надо головой и деньги в кармане за честную работу», то есть новую форму жизнесуществования. Произошел процесс замещения одной модели поведения (деструктивной, преследуемой законом) на другую модель (продуктивную, не преследуемую законом).

Еще пример замещения: первые заработки были примерно 70 рублей. Как колонисты радовались этим 70 рублям! А ведь многие могли вспомнить, что в прежние лихие годы воровства, грабежа и насилия имели и по 500 и по 1000 рублей. Но они говорили, что эти 70 рублей честно ими заработаны. Имеет место быть феномен замещения социальных ценностей.

И главное в воспитательной системе Макаренко — это не коллектив в своём абсолюте, и не личность, а именно система взаимоотношений между личностью и коллективом. Как, каким образом коллектив влияет на личность и как сама личность влияет на коллектив. Какие-то моменты были выявлены и привлечены Макаренко для построения системы управления в коммуне из бывшей криминализованной родной среды колонистов с её жесткой подчиненностью и «законами чести в их понимании». И это было замещено и под-

креплено военной атрибутикой и военным символизмом жизни коммуны.

Степень риска (рецидива) оставалась, ибо в эти отглаженных, отструктурированных «листах сознания» оставалась память о прошлом.

И все-таки, я думаю, что возвращение колонистов к прошлому криминальному промыслу была низкой, так как система перевоспитания была жестко выстроенной, социально-личностные линии были четко проработаны.

Любая технология, как педагогическая, так и социально-педагогическая, будет иметь статус технологии, если будут такие важные и необходимые критерии как концептуальность, системность, воспроизводимость, эффективность и диагностичность.

Может быть, опыт А. С. Макаренко не был так широко распространен и имел эпизодичность на территории России, потому что личность нельзя тиражировать. А Макаренко был личностью.

Сейчас реализуется концепция духовно-нравственного воспитания. Насколько имеются научные основания на такое направление. Для меня лично это вопрос. Ведь понятие духовность, скорее всего, относится к сакральным образованиям. К науке трудно что-либо отнести, если нельзя это измерить хотя бы квалиметрически.

Литература

1. Локк Д. О человеческом разумении / Д. Локк / Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И.С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. — 623 с.
2. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8 т. / Сост. Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. — М.: Педагогика, 1983 — 1986.